

УДК 811.161.1:801.6
DOI: 10.17223/19986645/53/15

Н.В. Патроева, А.А. Лебедев

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, РАЗМЕР И СЕМАНТИКА ИНИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА¹

Анализируются синтаксическое строение, семантико-функциональный потенциал, строфическая организация и стиховое членение пушкинских зачинов. Менее 10% стихотворных пушкинских начальных строк (62 репрезентации из 737) совпадают с границами целой моно- или полипредикативной единицы. Длина первого предложения варьируется в рамках довольно широкого диапазона – от 1 до 20 строк. В большинстве пушкинских стихотворений первое предложение по протяженности совпадает с катреном.

Ключевые слова: лирические зачины, Пушкин, поэтический синтаксис, строфика, композиция.

В поэтических произведениях малых жанров первая строка нередко выполняет функцию номинации, озаглавливания текста, поскольку, в отличие от других литературных родов, в лирике заглавие – факультативный, а не облигаторный элемент текста. По наблюдениям историков русской поэзии [1. С. 30], форма стихотворений без заглавия становится широко распространенной уже в эпоху романтизма. В связи с этим важным и необходимым представляется выявить значение лирических зачинов в «выдвижении» главных тем, ключевых мотивов и образов, в структурно-смысловой и ритмо-мелодической организации поэтического произведения в качестве некоторых предпосылок для создания в более или менее отдаленном будущем типологии начальных строк стихотворений, тем более что заглавия, в сравнении с другими так называемыми «сильными» позициями лирического текста, становились предметом специального анализа уже неоднократно, но о роли иных средств компрессии и выдвижения (актуализации) смысла целого текста: подзаголовка, посвящения, эпиграфа, зачина и концовки текста – в научной литературе находим лишь спорадические, далекие от историко-типологических обобщений наблюдения исследователей (подробнее см.: [2–8]).

Зачин (или начало, интродукция, первый стих, первая строка, вступление, экспозиция) как первый элемент трехчастной композиции, обычной для лирического текста в целом, описан еще в работах Б.В. Томашевского [9] и В.Е. Холщевникова [10]. Именно первый стих оказывается свернутой моделью следующего далее произведения, сигнализирующей об особенно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

стях его стихотворной формы и содержания. Вопрос о границах зачина пока не нашел непротиворечивого и однозначного решения в работах теоретиков литературы (поскольку лирическая композиция вообще мало разработанная область поэтики). Например, стиховед В.Е. Холшевников отмечал, что зачином может являться «первый стих, иногда два... иногда первое четверостишие», при этом «важно не количество стихов, а функция лирического зачина» [10. С. 10]. Если стихотворение иногда как будто представляет собой «отрывок» и открывается многоточием (таково пушкинское «...Вновь я посетил...», например), начальные строки «именно потому, что они первые... в любом случае бессознательно воспринимаются читателем как зачин и выполняют его функцию» [Там же. С. 5]. Другой теоретик стиха, В.С. Баевский, предлагает интерпретацию зачина в объеме только первой строки текста [11. С. 22].

Решение вопроса о правой границе и, следовательно, о протяженности зачина нуждается, как представляется, в синтаксическом обосновании, несмотря на то, что вполне очевидна опосредованность процедуры вычленения интродукции анализом строфики и метрики лирического текста. Так, например, более половины пушкинских стихотворных произведений малых жанров носят астрофический характер, не имея графических средств (пробелов) для выделения композиционных элементов, и только примерно 15% от общего числа (в нашем материале – около 100 из более чем 700 стихотворений А.С. Пушкина), составляют разделенные на дву-, трех- и четверостишие тексты, что, на наш взгляд, очень тесно связывает проблему выявления зачина и его последующего описания прежде всего с синтаксическим анализом инициальных строк произведения.

Первые фразы могут иногда занимать все пространство стихотворения, так что инициальное предложение текста вбирает в себя итог целостного лирического наблюдения, поэтому столь затруднительным и условным в этом случае оказывается членение подобного дискурса на традиционно выделяемые зачин, развитие темы, концовку:

Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжко помнить вам
Жертву тайного страданья –
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья (268)².

Лирических опытов, состоящих из одного предложения, в пушкинском наследии более ста (среди них эпиграммы, альбомная «мелочь», надписи, посвящения). Подобное построение поэтических произведений в границах одного, как правило, пространного, включающего многочисленные

² Здесь и далее цифра в круглых скобках за поэтической цитатой указывает страницу по изданию [12].

обособленные обороты и однородные ряды синтаксически и семантически полипредикативного высказывания подчеркивает не только присущую лирике грамматическую и смысловую сверхусложненность, но и тесную связь композиции с синтаксической структурой произведения, в лирическом роде гораздо более тесную, жесткую, чем в иных жанрах. Структурой периода, постепенно разворачивающегося от первой строки до последней, здесь задается ритм как будто бы нечленимой на отдельные части стихотворной архитектоники, либо в рамках вбирающего «бездну смысла» предложения умещаются несколько композиционных рубрик с не очень четкими, не столь очевидными (как, например, в структуре прозаической строфы – сверхфразового единства), размытыми границами:

От многоречия отрекшись добровольно,
В собранье полным слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно (374) –

начальная строка, вводящая информацию об исходном «положении дел» в виде самохарактеристики лирического «я» здесь благодаря использованному Пушкиным обособленному деепричастному обороту, здесь, очевидно, является лаконичной интродукцией, предопределяющей развитие тезиса в последующей строке, завершающей первую часть бессоюзного целого, а заключительных два стиха в границах второй предикативной единицы представляют собой остроумную концовку мысли с «интимизирующим» высказыванием обращением к читателю, подтверждающую мудрость заявленного лирическим героем в самом начале текста решения. Двойная (с одной стороны, стиховая, с другой – синтаксическая), таким образом усиленная, сегментированность пространства стиха, его смысловая и синтаксическая сложность позволяет соединить «начала и концы» даже в пределах текста, совпадающего по структуре с одним предложением: представить двух- или трехчастную композиционную форму: зачин + развитие темы: *О, сколько нам открытий чудных / Готовят просвещенья дух И опыт, сын ошибок трудных, И гений, парадоксов друг, И случай, бог изобретатель* (468) или трехчастную: *Пока супруг тебя, красавицу младую, Между шести других еще не заключил, / – Ходи к источнику могил И черпай воду ключевую, И думай, милая моя: / Как невозвратная струя блещит, бежит и исчезает – Так жизни время убегает, В гареме так исчезну я* (334).

Преобладающие в пушкинской лирике размеры инициального предложения, «задающего тон» всем последующим конструкциям, – в 4 или 2 строки, уже гораздо менее распространены одно-, восьмистишия либо фразы иного объема. Длина первого предложения у Пушкина варьируется в рамках довольно широкого диапазона – от 1 до 20 строк: 269 предложений занимают 4 стиха; на второй позиции составляющие 2 строки интродуктивные фразы (128 репрезентаций), а далее следуют по степени распространенности: равные по протяженности 1 стиху (в 71 стихотворении),

8 стихам (54 примера), 6 стихам (36 репрезентаций), 3 стихам (33), 5 строкам (30), 7 стихам (11), 9 строкам (9), 12 стихам (7), 10 стихам (6), 11 строкам (3), 16 стихам (2 репрезентации); единичными примерами представлены начальные предложения, длящиеся 14, 15, 17, 18 и 20 строк.

Если сопоставить границы инициального предложения и строфы, то в 64 пушкинских стихотворениях первое предложение совпадает по своей протяженности с катреном, за этим самым распространенным типом строфической конструкции следуют: 14 шестистиший (секстин), 9 октав, 6 двустистиший (дистихов), 4 пятистишия, одной репрезентацией представлены семи- и девятистишия (септима и нона). Симметричность построения стихотворных начал создают инициальные предложения, совпадающие с полустрофой: четырехстрочные зачины представлены в 15 начальных октавах, двустрочные – в 11 начальных катренах, трехстрочные зачины – в 3 состоящих из секстин произведениях, пятистрочные – в одном начальном десятистишии.

Инициальные предложения могут занимать также несколько строф: в 6 стихотворениях восьмистишия охватывают первые два катрена, по одному примеру в пушкинских лирических текстах приходится на занимающие 2 строфы зачины из 6 (= 2 трехстишия) и 16 (= 2 октавы). Самое протяженное (из 20 стихов, равное 5 строфам-катренам) предложение совпадает по своим границам с целым стихотворением («В.Ф. Раевском»).

В двух стихотворениях («Недвижный страж дремал на царственном пороге...» и «Не спрашивай, зачем унылой думой...») инициальное предложение заступает за границы строфического пробела и завершается после продолжительной межстрофной паузы в первой строке последующей группы стихов.

В астрофических стихотворениях (494 – более 70% лирических произведений А.С. Пушкина) во многом сохраняется «инерция» построения инициальных конструкций по модели катрена, дву- или одностишия: так, на начальные предложения длиной в 4 стиха приходится около трети всех репрезентаций (186 из 494), на двухстрочные – 99 примеров (примерно пятая часть от общего числа), однострочных – 57, восьмистрочных – 33, трехстрочных – 30, пятистрочных – 25, шестистрочных – 20, семистрочных – 9, девятистрочных – 8, десятистрочных – 6. Отмечены также 12-строчные (в 7 астрофических стихотворениях) и 11-строчные (в 3 случаях) интродуктивные высказывания; 13-, 14-, 15-, 16-, 17- и 18-строчные инициальные предложения представлены единичными примерами. Начальные фразы, длящиеся нечетное количество строк, почти исключительно предпочитают Пушкиным в лишенных строфического членения произведениях – например, в «Кто знает край, где небо блещет...» (418).

Первые предложения, занимающие полустиишие либо одну и более строк с заключительным полустиишием, когда первая фраза заканчивается в середине стиха, создают дополнительный (к анжамбеману – переносу из строки в строку) конфликт между стиховым и синтаксическим членением, нарушающий плавное, мерное, напевное течение поэтической речи, тем самым сообщая стиху интонацию непринужденной беседы. Пушкин использует прием внутристриховой сегментации как завершение инициально-

го предложения в своей лирике нечасто – в 27 стихотворениях, например: *Султан ярится. Кровь Эллады...* (342); *Шумит кустарник... На утес...* (495) и др.

Большинство пушкинских стихотворных интродукций строятся по модели полипредикативного предложения, обычно отдельной его части (только 7, т.е. примерно 1% начальных строк вмещают целое сложное предложение), поскольку лирический дискурс требует гораздо более сложной синтаксической организации текстовой структуры в силу общепозитической прагматической установки: вместить в стихотворную миниатюру всю суть авторской медитации – индивидуальный образ бытия (фрагмент символической картины мира). При этом типичными для поэтических начал оказываются бессоюзные многокомпонентные и бинарные построения, составляющие четвертую часть всех пушкинских зачинов, например: *Я верю: я любим; для сердца нужно верить* (218). Более 150 стихотворений (т.е. еще примерно четверть включенных в описание малых жанров) Пушкина являются частью полипредикативной с разными типами синтаксической связи конструкции.

Инициальные строки, совпадающие с границами простых конструкций, составляют только 6% (45 репрезентаций) от общего числа первых стихов (между тем в прозе Пушкин лапидарен, «синтаксис его прост, ясен, прозрачен. Преобладают простые короткие предложения, реже встречаются сложные простой структуры. Периоды отсутствуют» [13. С. 170]). Пушкин был уверен, что «точность и краткость – вот первые достоинства прозы... Стихи – другое дело...» [14. С. 182]: *Мальчишка Фебу гимн поднес* (454); *Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила* (478); *Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня* (478); *Куда ты холоден и сух!* (591); *Опять я ваш, о юные друзья!* (151) и т.п.

Таким образом, структурный анализ пушкинских зачинов со всей очевидностью подтверждает высказывавшиеся ранее суждения исследователей о повышенной активности именно бессоюзных предложений в поэзии: так, согласно данным, полученным в ходе работы над «Синтаксическим словарем русской лирики»³, в среднем не менее 50–60% предложений в поэзии малых и средних жанров оказываются сложно устроенными (см. таблицу).

Бессоюзие позволяет создавать протяженные перечислительные ряды, при экономии метрического пространства в силу используемого поэтом асиндетона, поддерживать параллелизм и симметрию текста, ритмическую повторяемость, активизировать внимание читателя на «непрозрачных», семантически недостаточно дифференцированных по причине отсутствия союзов отношениях внутри бессоюзного целого.

В отличие от повествовательных вопросительные и побудительные по цели высказывания и риторические по функциональному назначению в лирике конструкции оказываются инициальными комплексами только в 19 пушкинских стихотворениях.

³ Подробнее см.: [15. С. 22–41].

Тип предложения	Кол-во репрезентаций в творчестве М.В. Ломоносова	Кол-во репрезентаций в творчестве Г.Р. Державина	Кол-во репрезентаций в творчестве Н.М. Карамзина	Кол-во репрезентаций в творчестве П.А. Вяземского	Кол-во репрезентаций в творчестве А.С. Пушкина	Кол-во репрезентаций в творчестве Е.А. Баратынского	Кол-во репрезентаций в творчестве М.Ю. Лермонтова
Двусоставные простые	405 (19,45%)	370 (16,75%)	573 (23,70%)	959 (27,8%)	1191 (21,13%)	362 (23,48%)	388 (19,47%)
Односоставные простые	58 (2,79%)	94 (4,26%)	198 (8,19%)	79 (2,29%)	330 (5,86%)	76 (4,93%)	91 (4,57%)
Двусоставные осложненные	250 (12,01%)	209 (9,46%)	165 (6,82%)	462 (13,39%)	766 (13,59%)	213 (13,81%)	193 (9,68%)
Односоставные осложненные	43 (2,07%)	68 (3,08%)	95 (3,93%)	68 (1,97%)	261 (4,63%)	35 (2,27%)	37 (1,86%)
Сложносочиненные бинарные	99 (4,76%)	82 (3,71%)	136 (5,62%)	265 (7,68%)	347 (6,16%)	94 (6,10%)	140 (7,02%)
Сложноподчиненные бинарные	325 (15,61%)	223 (10,10%)	207 (8,56%)	241 (6,99%)	322 (5,71%)	98 (6,36%)	170 (8,53%)
Бессоюзные бинарные	258 (12,39%)	264 (11,95%)	353 (14,60%)	355 (10,29%)	826 (14,66%)	239 (15,50%)	239 (11,99%)
Многокомпонентные сложные	644 (30,93%)	899 (40,70%)	691 (28,58%)	1020 (29,57%)	1593 (28,26%)	425 (27,56%)	735 (36,88%)
Всего	2082 (100,00%)	2209 (100,00%)	2418 (100,00%)	3449 (100,00%)	5636 (100,00%)	1542 (100,00%)	1993 (100,00%)

Императивные конструкции усиливают апеллятивность первого побудительного предложения текста, являются приметой внутреннего спора лирического героя с неким внутренним или внешним (потенциальным читателем произведения) адресатом либо с самим собой (в случае аутодиалога): *Не угрожай ленивцу молодому* (186); *Поэт! не дорожи любовью народной* (474).

Вопросительные монопредикативные высказывания открывают чаще произведения стилистически сниженные – эпиграммы: *Как! жив еще Курилка журналист?* (341); *О чем, прозаик, ты хлопочешь?* (365); *Как брань тебе не надоела?* (229); стихотворения, содержащие вакхические, анакреонтические, эпикурейские мотивы: *Что же сухо в чаше дно?* (563); *Откуда чудный шум, неистовые крики?* (186); *Что смолкнул веселия глас?* (352); *Где ты, ленивец мой?* (90); альбомные «мелочи» или стихотворения «на случай»: *Что можем наскоро стихами молвить ей?* (220); элегии (любовные, философские): *К чему холодные сомненья?* (327); Тебя ль я видел, милый друг? (189) или стихотворения, наполненные гражданственным пафосом: *О чем шумите вы, народные витии?* (499). Как известно, стихотворение – всегда «превращенный» («фиктивный», вне реальной речевой ситуации) диалог поэта с миром и самим собою, заочный и релевантный потенциально для любого отдаленного во времени и пространстве, поэтому вопросы в лирике часто оказываются «безответными»⁴, медитативными (например, *Что в имени тебе моем?* (468)), императивными (например, *Что же? будет ли вино?* (337)) или пейзажными (например, *Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?* (445) или *Что белеется на горе зеленой?* (562)) по своей функции.

В зачинах Пушкин помимо двусоставных конструкций активно использовал определенно-личные односоставные структуры, содержащие предикаты состояния (*В молчанье пред тобой сижу* (128); *Сижу за решеткой в темнице сырой* (288); *Стою печален на кладбище* (530) и др.), гораздо реже – безличные, номинативные и неопределенно-личные структуры.

С функционально-семантической точки зрения поэтические зачины могли бы быть классифицированы следующим образом:

1) *фактуальные*⁵, служащие для номинации некоего события, послужившего отправным пунктом для развертывания лирического сюжета, поскольку «для лирического произведения не требуется последовательности событий, но нужно хотя бы одно событие, чтобы можно было «зацепиться» им за реальный мир, чтобы можно было по поводу его переживать» [7. С. 60]: *Ура! в Россию скачет Кочующий деспот.* (192); *Как ныне собирается вечный Олег...* (272); *Ты издал дядю моего...* (333); *Ходил Стенька Разин...* (382); *С тобой мне вновь считаться довелось...* (389); *Сводня*

⁴ Термин И. И. Ковтуновой – см.: [16. С. 293].

⁵ Р.А. Евсеева называет интродукции, представляющие собой констатацию какого-либо факта или явления, служащего отправной точкой для дальнейших описаний и рассуждений поэта, «зачинами-импульсами» [17. С. 53].

грустно за столом Карты разлагает. (411); *Прибежали в избу дети...* (427); *Поэт по лире вдохновенной Рукой рассеянно бряцал.* (435); *Картину раз высматривал сапожник...* (450); *Мальчишка Фебу гимн поднес* (454); *Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.* (478); *Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря...* (478); *Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.* (478); *Стамбул гяуры нынче славят...* (483); *Одни стихи ему читала...* (497); *Скребицей чистил он коня...* (512); *Король ходит большими шагами...* (533); *Радивой поднял желтое знамя...* (537); *Как покинула меня Парасковья...* (540); *Полюбил королевич Яныш...* (553) – доля фактуальных начал у Пушкина составляет не более 5% от общего числа, поскольку такие событийные зачины мало характерны для лирики, стихия которой – не повествование, а описание и размышление, выражение эмоций и точки зрения лирического субъекта;

2) *экзистенциальные* зачины, сообщают о бытии какого-либо явления в индивидуально-поэтической картине мира⁶: *Есть в России город Луга...* (178); *Овидий, я живу близ тихих берегов...* (254); *Есть роза дивная: она...* (396); *Жил на свете рыцарь бедный...* (446); *Был и я среди донцов...* (463); *Три у Будрысы сына, как и он, три литвина.* (516); *У русского царя в чертогах есть палата...* (564); *Была пора: наш праздник молодой...* (586); *Угрюмых тройка есть певцов...* (99); *Я здесь, Инезилья...* (481); *Перестрелка за холмами...* (457); *Кавказ подо мною. Один в вышине Стою над снегами у края стремнины...* (456); *Сегодня я поутру дома...* (291); *Покойник Клит в раю не будет...* (176); *Ты ль предо мною, Делия моя?* (165);

3) *хронологические* интродукции информируют читателя о месте и времени изображаемой далее ситуации: *Раз, полуночной порою...* (32); *В роще сумрачной, тенистой...* (36); *Навис покров угрюмой ночи...* (51); *Под вечер, осенью ненастной...* (56); *Средь темной роицы, под сенью лип душистых...* (57); *В пещерах Геликона...* (77); *В раю, за грустным Ахероном...* (103); *Недавно темною порою...* (131); *Глубокой ночью на полях...* (134); *Над озером, в глухих дубровах...* (203); *Там у леска, за ближнею долиной...* (208); *В стране, где Юлией венчаный...* (237); *В стране, где я забыл тревоги прежних лет...* (245); *На тихих берегах Москвы...* (290); *В лесах, во мраке ночи праздной...* (358); *В пещере тайной, в день гоненья...* (376); *Под небом голубым страны своей родной...* (381); *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...* (395); *Во глубине сибирских руд...* (395); *Среди рассеянной Москвы...* (397); *В степи мирской, печальной и безбрежной...* (397); *Близ мест, где царствует Венеция златая...* (402); *Там, где море вечно плещет...* (409); *В пустыне чахлой и скупой...* (432); *В степях зеленых Буджака...* (438); *Высоко над семьёю гор...* (458); *Над лесистыми берегами...* (494); *Надо мной в лазури ясной...* (498); *Перед гробницею святой...* (498); *Поздно ночью из похода...* (517); *В славной в Муромской земле...* (528); *В пещере, на острых камнях...* (541); *В мои осенние досуги...*

⁶ О структуре и семантике экзистенциальных зачинов в русской поэзии см.: [18. С. 68–72].

(578); *В Академии наук...* (578); *От западных морей до самых врат восточных...* (589) – подобные начала, содержащие пространственно-временные координаты достаточно активны в стихотворных текстах, однако лирический хронотоп избегает точных деталей, максимально обобщен (север / юг / запад / восток; ночь / утро / вечер / день; там / здесь; в лесу / в пустыне / на полях, в степи и т.п.); обращают на себя внимание зачины с приметами «оссианического», мифологического, фольклорного, библейского хронотопов;

4) *описательные* экспозиции предлагают воображению читателя природный пейзаж (а) и бытовые зарисовки (б): а) *Вянет, вянет лето красно...* (62); *Вечерняя заря в пучине догорала...* (78); *По небу крадется луна...* (83); *Последним сияньем за лесом горя...* (93); *Погасло дневное светило...* (224); *Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...* (230); *Редеет облаков летучая гряда.* (230); *Все в таинственном молчанье...* (111); *Зима мне рыхлою стеною...* (299); *Плещут волны Флегетона...* (306); *Ночной зефир Струит эфир.* (319); *Ненастный день потух; ненастной ночи мгла По небу стелется одеждою свинцовой...* (320); *Земля недвижна; неба своды...* (323); *Роняет лес багряный свой убор...* (353); *Буря мглою небо кроет...* (362); *Сквозь волнистые туманы...* (387); *Мчатся тучи, вьются тучи...* (475); *Октябрь уж наступил – уж роща отряхает...* (520); *В поле чистом себребится Снег волнистый и рябой...* (525); *Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя Широко разлилось, как боевое знамя.* (529); *Ночь тиха, в небесном поле Светит Вesper золотой.* (594); *На холмах Грузии лежит ночная мгла...* (445); б) *В прохладе сладостной фонтанов...* (431); *Вечерня отошла давно, Но в кельях тихо и темно.* (301); *С перегородкою коморки...* (338); *В еврейской хижине лампада В одном углу бледна горит...* (388); *Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...* (510);

5) *риторические* зачины – с восклицаниями, вопросами, обращенными к воображаемому заочному собеседнику, – организуют «превращенную», «фиктивную» по своему характеру поэтическую коммуникацию. Подобные интродукции составляют более трети стихотворных пушкинских начал: *Слыхали ль вы за рощей глас ночной Певца любви, певца своей печали?* (137); *Мечты, мечты, Где ваша сладость?* (149); *Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица!* (182); *Тебя ль я видел, милый друг?* (189); *Увы, зачем она блистает Минутной, нежной красотой?* (225); *Как быстро в поле, вокруг открытом, Подкован вновь, мой конь бежит!* (440) и др. – подобные зачины составляют более трети пушкинских интродукций;

6) *оценочно-характеризующие, интерпретационные* зачины, зачины-сентенции и афоризмы, очень свойственные лирике как самому «субъективному» и эмоционально насыщенному литературному роду: по словам Л. Гинзбург, «поэтическое слово непрерывно оценивает все, к чему прикасается» [19. С. 8], поскольку поэт всегда предлагает читателю свою версию изображаемого, свой модус мира, в тайне рассчитывая на сопереживание в оценке собственного «я» или адресата или некоего третьего лица, какого-либо явления (шутливо-ироническую, восторженную, критическую): *Уж я*

не тот любовник страстный... (164); Я сам в себе уверен... (173); Краев чужих неопытный любитель... (181); Простой воспитанник природы... (185); Все призрак, суета... (216); Охотник до журнальной драки... (335); Ты не наследница Клероны... (87); Ты в страсти горестной находишь наслаждение... (191); Ты рождена воспламенять... (278); Клеветник без дарованья... (257); Полу-милорд, полу-купец... (308); Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах... (368); Он вежлив был в иных прихожих... (376); Воспитанный под барабаном, Наш царь лихим был капитаном... (394); С своей пылающей душой... (425); Журналами обиженный жестоко, Зоил Пахом печалился глубоко... (444); Воспоминаньями смущенный... (464); Нет, я не дорожу мятёжным наслаждением... (593); О, нет, мне жизнь не надоела... (593); Вы избалованы природой... (441); Румяный критик мой, насмешинок толстопузый... (481); Опять увенчаны мы славой... (461); Критон, роскошный гражданин... (460); Благословен твой подвиг новый... (460); Напрасно видишь тут ошибку... (460); Надеюсь на мое презренье, Седой зоил меня ругал... (462); О сколько нам открытий чудных... (468); Суровый Дант не презирал сонета... (470); Смеюсь жестоко над собратом... (492); Два чувства дивно близки нам... (496); Как редко плату получает Великий добрый человек... (581); Не дорого ценю я громкие права... (584); Твои догадки – суций вздор... (592); Ценитель умственных творений исполинских... (589); Куда ты холоден и сух! (591); Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера... (489); Все в ней гармония, все диво... (508); Трусоват был Ваня бедный... (549); Тошней идилии и холодней, чем ода... (177); Житье тому, любезный друг, Кто страстью глупою не болел... (200); Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор... (213); Нет, нет, напрасны ваши пени... (215); Всей России притеснитель... (221); Ты прав, мой друг, напрасно я презрел Дары природы благосклонной. (280); Как наше сердце своенравно! 302; Мой пленник вовсе не любезен... (302); Т – прав, когда так верно вас... (333); Напрасно ахнула Европа... (339); Твое соседство нам опасно... (368); Словесность русская больна (373); Блажен, кто в шуме городском... (120); Блажен, кто в отдаленной сени... (205); Блажен в златом кругу вельмож... (408); Счастлив, кто в страсти сам себе Без ужаса признаться смеет... (136); Любовь одна – веселье жизни хладной... (138) и др.;

7) функцией характеристики (наряду с вокативной) наделены, как правило, и *апеллятивные* зачины: *Ольга, крестница Киприды, Ольга, чудо красоты!* (197); *О ты, надежда нашей сцены!* (197); *Питомец мод, большого света друг...* (212); *Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...* (282); *Проклятый город Кишинев!* (293); *Любимец моды легкокрылой...* (401) и т.п.

Возможным аспектом типологизации зачинов представляется их классификация с точки зрения стилистических приемов, используемых автором в самом начале коммуникации с читателем, например повтора: *Ворон к ворону летит, Ворон ворону кричит...* (430); *Глухой глухого звал к суду судьи глухого...* (479); *Мчатся тучи, вьются тучи...* (475); *Фонтан любви,*

фонтан живой! (318); создающего симметрию стихов и полустийший параллелизма: *Не два волка в овраге грызутся, Отец с сыном в пещере бранятся* (547); антитезы: *Город пышный, город бедный...* (431); *Ты богат, я очень беден...* (222); каламбура: *Когда Потемкину в потемках...* (592); *От вас узнал я плен Варшавы* (504); аллюзий и реминисценций, прецедентных имен: *Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия* (176); *Смуться, нахмурился пророк...* (322); *Нас было много на челне...* (398); *Прими сей череп, Дельвиг: он...* (403); *Как узник, Байроном воспетый...* (338); *В Элизии Василий Тредьяковский...* (443).

Поскольку репрезентантом лирического произведения и субститутутом заглавия является именно начальная строка, очевидно, зачином стихотворного текста, пусть не в строго-композиционном и содержательном плане, а с точки зрения читательского ожидания, типизирующего поэтическую архитектонику, следует признать не какую-либо строфическую форму (например, широко распространенный в поэзии катрен), не инициальное предложение, редко совпадающее с границами первого стиха и иногда разрастающееся до размеров целого текста (что подтверждает проведенный анализ пушкинских интродукций), но первую строку стихотворения, задающую текстовую грамматическую форму, размер, ритм, тему и неповторимую интонацию автора, играющую важную роль в процессе декодирования художественного целого внешним адресатом, приоткрывающую завесу над индивидуально-поэтическим образом мира.

Литература

1. Григорьян К.Н. Пушкинская элегия (национальные истоки, предшественники, эволюция). Л. : Наука, 1990. 257с.
2. Евсеева Р.А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11. С. 45–50.
3. Жирмунская Н.А. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой) // Филологические исследования. М. ; Л., 1990. С. 342–350.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1989. 206 с.
5. Соловьева А.К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. 1976. № 3. С. 88–94.
6. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М. : Просвещение, 1986.
7. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М. : Центр М, 2001. 400 с.
8. Мерлин В.В. Самоотрицание текста: (К семантике поэтической концовки) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49, № 1. С. 3–15.
9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
10. Холшевников В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. Л., 1991. С. 5–49.
11. Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. Смоленск : Изд-во СГПИ, 1972. 142 с.
12. Пушкин А.С. Сочинения : в 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. 735 с.
13. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: (Сложное синтаксическое целое). М. : Высш. шк., 1991. 182 с.
14. А.С. Пушкин об искусстве : в 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 363 с.

15. Патроева Н.В. Синтаксис русской поэзии XVIII века в связи с метрикой, строфикой, жанром стихотворения // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 22–41.
16. Ковтунова И.И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. М., 2006. С. 239–297.
17. Евсеева Р.А. Зачины в элегиях В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 50–56.
18. Патроева Н.В. Зачины с экзистенциальным глаголом ЕСТЬ в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128), т. 1. С. 68–72.
19. Гинзбург Л. О лирике. Л. : Сов. писатель, 1974. 408 с.

SYNTACTIC ORGANIZATION, METER AND SEMANTICS OF INITIAL SENTENCES IN A.S. PUSHKIN'S LYRICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 224–236. DOI: 10.17223/19986645/53/15

Natalja V. Patroeva, Aleksandr A. Lebedev, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: nvpatr@list.ru / perevodchik88@yandex.ru

Keywords: initial sentences, lyrical opening sentences, Pushkin, poetic syntax, composition.

The article analyzes the syntactic structure, the semantic-functional potential, the stanza organization and the verse division of Pushkin's opening sentences.

Less than 10% of the poetic Pushkin's initial lines (62 representations out of 737) coincide with the boundaries of the whole mono- or polypredicative unit.

The initial lines, coinciding with the boundaries of simple constructions, make up only 6% of the total number of the first verses.

The parts of the asyndetic binary and multicomponent constructions that form 25% of all the Pushkin's lyrical opening sentences are typical for the poetic beginnings.

Since the opening sentence assigns the syntactic composition of the subsequent text, it is possible to extend the revealed tendency to a polypredicative asyndetic construction of the initial phrases for the entire lyrical discourse as a whole. The length of the first sentence varies within a fairly wide range from 1 to 20 lines.

In the majority of Pushkin's poems, the first sentence coincides in its length with the quatrain (269 sentences make up 4 verses); in the second position, the introductory phrases (128 representations) make up 2 lines.

Further, depending on the prevalence, follows: equal to 1 verse in length (in 71 poems), to 8 verses (in 54 examples), to 6 verses (36 representations), to 3 verses (33), to 5 lines (30), to 7 verses (11), to 9 lines (9), to 12 verses (7), to 10 verses (6), to 11 lines (3), to 16 verses (2 representations); the initial sentences, which last 14, 15, 17, 18 and 20 lines, are presented in one example. Initial sentences can also take a few stanzas, and sometimes the work is built as one sentence, which makes it difficult to single out the opening sentence in the architectonics of this poem. Poems that are astrophic or constructed in a special form of a "piece" composition in many respects preserve the "inertia" of the structure of the initial constructions by the model of quatrains and couplets. Since the initial line is the representative of the lyric work and the substitute for the title, it is obvious that the opening sentence of the poetic text, though not in the strictly composition and content plan but from the standpoint of readers' expectations typifying the poetic architectonics, should not be a stanzaic form (for example, widespread quatrains in poetry), an initial sentence rarely coinciding with the boundaries of the first verse and sometimes expanding to the size of the whole text (which the analysis of Pushkin's introductions confirms), but the first verses of the poem, setting the textual grammatical form, meter, rhythm, theme and unique intonation of the author which plays an important role in the decoding of the artistic unit by the external addressee and slightly opens the "curtains" of the individual poetical image of the world, but.

References

1. Grigor'yan, K.N. (1990) *Pushkinskaya elegiya (natsional'nye istoki, predshestvenniki, evolyutsiya)* [Pushkin's elegy (national sources, predecessors, evolution)]. Leningrad: Nauka.
2. Evseeva, R.A. (2006) Trekhchastnost' liricheskikh stikhotvoreniy: k probleme metodiki analiza kompozitsii [Three-part lyrical poems: to the problem of the technique of composition analysis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11. pp. 45–50.
3. Zhirmunskaya, N.A. (1990) Epigraf i problema implikatsii v poeticheskom tekste (na materiale liriki A. Akhmatovoy) [Epigraph and the problem of implication in a poetic text (on the material of A. Akhmatova's lyrics)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Filologicheskie issledovaniya* [Philological Studies]. Moscow: Nauka.
4. Kukharenko, V.A. (1989) *Interpretatsiya teksta* [Interpreting the text]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Solov'eva, A.K. (1976) Zametki o tipologii nachal'nykh strok khudozhestvennykh prozaicheskikh proizvedeniy [Notes on the typology of the initial lines of artistic prose works]. *Filologicheskie nauki*. 3. pp. 88–94.
6. Turaeva, Z.Ya. (1986) *Lingvistika teksta* [Linguistics of the text]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Sidorova, M.Yu. (2001) *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of artistic text]. Moscow: TSentr M.
8. Merlin, V.V. (1990) Samootritsanie teksta: (K semantike poeticheskoy kontsovki) [Self-negation of the text: (To the semantics of the poetic ending)]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 49(1). pp. 3–15.
9. Tomashevskiy, B.V. (1996) *Teoriya literatury. Poetika* [Literature theory. Poetics]. Moscow: Aspekt-Press.
10. Kholshevnikov, V.E. (1985) Analiz kompozitsii liricheskogo stikhotvoreniya [Analysis of the composition of the lyrical poem]. In: Kholshevnikov, V.E. (ed.) *Analiz odnogo stikhotvoreniya* [Analysis of one poem]. Leningrad: Leningrad State University.
11. Baevskiy, V.S. (1972) *Stikh russkoy sovetskoy poezii* [The poem of Russian Soviet poetry]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute.
12. Pushkin, A.S. (1985) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Khud. lit.
13. Solganik, G.Ya. (1991) *Sintaksicheskaya stilistika: (Slozhnoe sintaksicheskoe tseloe)* [Syntactic stylistics: (A complex syntactic unity)]. Moscow: Vyssh. shk.
14. Pushkin, A.S. (1990) *Ob iskusstve: v 2 t.* [On art: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
15. Patroeva, N.V. (2017) The syntax of 18-century Russian poetry in connection with metrics, strophic organization, and genre. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 22–41. (In Russian).
16. Kovtunova, I.I. (2006) Sintaksis poeticheskogo teksta [Syntax of the poetic text]. In: Krasil'nikov, E.V. (ed.) *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Moscow: Azbukovnik.
17. Evseeva, R.A. (2004) Zachiny v elegiyakh V.A. Zhukovskogo i K.N. Batyushkova [The beginnings in the elegies of V.A. Zhukovsky and K.N. Batyushkov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11. pp. 50–56.
18. Patroeva, N.V. (2012) Zachiny s ekzistentsial'nym glagolom EST' v russkoy poezii XVIII–XX vv.: opyt grammaticheskogo i funktsional'no-semanticheskogo opisaniya [Beginnings with the existential verb EST' in Russian poetry of the 18th–20th centuries: the experience of grammatical and functional-semantic description]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 7(128):1. pp. 68–72.
19. Ginzburg, L. (1974) *O lirike* [On lyrics]. Leningrad: Sov. pisatel'.